

ΛΕΡΑ

Отец изводил ее своими требованиями. Он хотел то одного, то другого, то ничего не хотел. Не хотел ее видеть. Потом снова хотел. Ему было 90. Он то хотел жить, то не хотел. Ему было плохо, иногда очень плохо. Она понимала. У нее была семья. Дети и муж. Муж работал индивидуально. Зарабатывал, как бы сказать, мало. Но как-то хватало.

Дети радовали своим детством и не радовали обилием времени, которого требовали и которого у нее не было. В целом все было хорошо. Было только одно «но». Но горе это было безграничным и равнялось всему остальному. Мать. Мама. Мамуля. Мамочка.

Глубокий Альцгеймер со всеми вытекающими. Начинался невидимыми провалами. Забирал постепенно. И забрал совсем.

Она вынуждена была отдать ее в специализированный приют. Где такие жили вместе и за ними, как ей хотелось верить, ухаживали хорошо. Хотелось — и она верила. Бывала у нее по мере возможности освобожденного времени.

Мама лежала крошечная. Маленькая, хрупкая былинка под листочком одеяла. Лера плакала. Мама смотрела мимо.

Ко всему привыкаешь, думала Лера. Вот и я привыкла. Боль стала болью, а не разрывом. Сейчас она уже позволяла жить.

На работе говорили о прокси-серверах и впн. Они нужны были для общения с коллегами и чтения узконаучных материалов, куда невозможно было прийти без впн. Суровые будни.

Она точно не знала, что такое впн, а уж тем более прокси, но старательно заходила по ссылкам, присланным коллегами и друзьями, чтобы заменить те, которые переставали работать. Дурдом. Так говорили все и про всё.

В тот день — четверг, кажется, — она получила сообщение на заблокированный мессенджер, работающий с помощью этих виртуальных и непонятных вещей. Корреспондент с неопределенного номера сообщал, что ее отец собирается совершить суицид и общается на эту тему с прохожими на улице. Она прочитала и в ужасе помчалась к нему.

Открыв дверь и залетев в квартиру, в которой он жил теперь один, обнаружила его мирно спящим у громко работающего телевизора. Он был почти слепой и почти глухой. В нежно-розовой рубашке он выглядел безмятежным. Казалось, его череп просвечивает через воск кожи. Хотя почему казалось — так это и было.

— Папа, папа! — закричала Лера.

Он молчал. Она выключила звук и затрясла его за плечо. Он открыл глаза. Улыбнулся.

— А, это ты, — сказал. — Чего прибежала?

— Ты был сегодня на улице?

— Нет.

— Точно?

— Конечно. Ты же знаешь, я не могу подняться по лестнице. Если я спущусь, то не поднимусь обратно.

— Я знаю.

— А чего спрашиваешь? — нотки раздражения слышались, она их боялась.

— Ладно. Мне приснилось сегодня. Я побежала. Завтра приду, как обычно.

— Хорошо, — он закрыл глаза. — Включи звук.

Она включила. Вышла. Закрыла дверь. Спускаясь по лестнице, думала: что это было? Споткнулась. Ударилась о перила. Что за черт происходит.

Лера была неглупой и образованной. Но не это главное. Главное было то, что она была уверена, что все идет как идет. Самоирония — да, рефлексия — нет. Рефлексия — это мать сожаления, а она не хотела этого. Это было больно. Она ее терпеть не могла.

Боль тупая. Она бесконечно раздражала. Игнорирование. Только так. Она потеряла ушибленное место, вышла. Хлопнула дверь подъезда. Она оглянулась. Странно. Дверь они, что ли, перекрасили. Какой-то незнакомой показалась ей дверь. Разве когда она заходила несколько минут назад, всё было так? Она не помнила. Вроде обычно. А теперь? А теперь необычно. Она пошла прочь. Она хотела успеть отвести старшего на музыку, а младшего на рисование. Могла успеть, и успела.

Ночью пришла мама. Смотрела мимо. Говорила, не открывая рта. Руками, которые казались невозможными кривыми, состоящими из кусков с огромными узлами суставов, теребила лист бумаги.

— Лера, я тут написала, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты знала: я всю жизнь прожила чужую. Девочка, которую звали, как теперь меня, умерла, и подменили документы. Я стала не я. А как бы другая. Мой настоящий отец... Ну, неважно. А важно то, что вся наша жизнь — это придуманный, случайный мир. Я смотрю на тебя, на то, как ты мучаешься, мыкаешься между нами, и думаю: как мы дошли до всего этого?

Лера смотрела не мать в ужасе узнавания. Она говорила. Она сознавала. Так не было уже десять лет.

— Мама, — вымолвила она, — я так рада, что ты пришла и что ты говоришь.

— Я всегда говорила и никуда не выходила, — обиделась мать. — Я живу, как всегда, в шкафу с бельем.

«Я сошла с ума, — подумала Лера. — Наверное, это хорошо».

— Мама, — спросила она, — а я где живу?

— Здесь, со мной. Я в шкафу, а ты под шкафом. Я и спустилась с тобой поговорить, ты же не заходишь по мне. Не знаю, почему.

— Может быть, все дело в впн, они слишком сложные для наших телесных дел. И вообще, зачем ты будишь меня среди ночи, мы можем поговорить и днем.

— Нет, — печально сказала мама, — днем я лежу в том учреждении, где нас презирают женщины неопределенного возраста, притворяющиеся врачами. Ты помнишь? Ты платишь им деньги. Я все знаю.

— Уходи! — заорала Лера. — Ты хочешь, чтобы я сдохла тут от страха и стыда. Ты говоришь без слов. Ты говоришь ужас. Уходи.

— Ладно-ладно, не ори, будь добрее. Не хочешь страдать? Не надо. Но ведь счастье — это краткий кусок перерыва в страданиях. Я лишь хочу дать тебе это счастье.

Лера лежала в поту до утра. Она не шевелилась. Она не знала, жива ли. Есть ли у нее тело. Душа есть, это она знала.

Утром пошел дождь. Дети капризничали. Муж издевался. Она звонила отцу. Никто не отвечал. Она звонила в учреждение матери. Там сказали очень вежливо, что ночь прошла обычно. Мама спала и утром поела с обычным аппетитом. Всё в порядке.

Она отвезла детей в школу. Сидела теперь на работе, просила, умоляла, и коллега поделился новым прокси. Что это такое, в очередной раз думала она. Но мессенджеры ожили и прислали сообщение: «Ваш отец...»

Она не стала дочитывать. Все неправда. Всего этого нет. Это прокси, она не знает, а он знает. Она подумала, что, наверное, надо все-таки держаться за впн. Или вообще. Что вообще, она не знала.

Лера сказала себе: ты не сожалеешь, и тем спасена. Теперь научишься не спать, и мать не будет приходить. Нет, я буду спать, если это способ разговаривать с матерью. И да, я зайду к ней как-нибудь в шкаф с бельем. Может, и отца приведу, и мы будем снова вместе.

«Как меня развезло-то», — очнулась Лера. Трекер отца прислал сигнал о движении. Он спускался по лестнице.

«Что скажешь теперь?» — написал неизвестный абонент.

— Ничего не скажу, — сказала она вслух и полетела к отцу.

Подходя к дому, она увидела его. Он шел в плаще на голое тело. На шее шарф. На голых ногах ботинки. На голове шляпа.

— Папа! — окликнула она.

— Лера, — сказал он, улыбаясь. — Мне не холодно.

— Почему?

— Потому что меня нет.

— А почему тебя нет? Мы же разговариваем.

— Ты у меня в голове. Я не вижу и не слышу тебя. Я знаю, что ты есть, и всё.

— Значит, ты жив?

— Нет. Это значит, что ты жива. Я в тебе живу. Ты выдумываешь меня.

— Странно.

— Ничего подобного. Ты помнишь веревки? Ты привязывала меня в детстве, чтобы я не ушел, пока ты спишь.

— Да.

— Ну так вот.

— Что «вот»?

— Ничего не изменилось. Твои веревки целы.

«Ну всё, я всё-таки сошла с ума, — думала Лера. — Они довели меня. Они довели меня!»

Она заорала. Стояла и орала. Она не знала, что орет. Рот был открыт. Звука она не слышала. Вокруг собирались люди. Они молчали. Они были в панике. Они не умели говорить.

